

К тебе на полной скорости

Анна
ШИБИТОВА

18+

Анна Шибитова

К тебе на полной скорости

<https://litres.ru/73858404>

SelfPub; 2026

Аннотация

Днём Ника Ведьмова работает в жаркой кухне ресторана, а ночью рискует жизнью на опасных гонках. Адреналин и рёв моторов приносят ей деньги, необходимые для лечения матери. В её жизни нет права на ошибку, нет времени на чувства и отношения.

Нолан Буше – известный мотогощик с безупречной репутацией. Он презирует нелегальные соревнования и возвращается в Россию ради крупного контракта. Однако компания ставит условие: для успеха Нолану нужен образ идеального семьянина.

Ему нужна фиктивная жена, и выбор падает на Нику. Для неё это способ решить финансовые проблемы, для него – выгодная сделка без личных обязательств. Но чем ближе они друг к другу, тем сильнее разгорается притяжение. Нолан не знает о ночных вылазках Ники и её страсти к скорости. А Ника не подозревает о настоящих причинах его возвращения в Россию.

У каждого свои секреты, своя скорость и своя точка невозврата. Если правда раскроется, их фиктивный брак может рухнуть, прежде чем они осознают, что их страсть стала реальной.

Содержание

Плейлист:	5
Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3	32
Глава 4	44
Глава 5	50
Глава 6	60
Глава 7	71
Глава 8	86
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Анна Шибитова

К тебе на полной скорости

*«Мне достаточно одного твоего вдоха рядом,
чтобы все мои хорошие намерения пошли к чёрту».
«Ему нужен был красивый фасад. Мне — деньги.
Никто из нас не планировал влюбляться».*

Плейлист:

NeonSun — К тебе на полной скорости

Мартин — Фоткаю на глаза

Zayn — Die For Me

Khan — Временно

BeautifulBoys, Ульяна Най — Я утонул в небе

Deadluve — Fading Out of Space

Рубеж Веков, Без пяти — На куски

NeonSun — Под кожей трасс

NeonSun — Купил молчание

Meg Myers — Desire

Finkhouser — Everywhere I Go

Savage Garden — To the Moon & Back

Пролог

Скорость всегда была частью меня, появляясь внезапно. Сначала в уловимом дрожании мотора под пальцами, затем в резком толчке, будто мотоцикл, приготовился к броску. С первым поворотом руля, мир вокруг замирал, и я точно знала, где моё место.

Не помню, когда эта страсть усилилась. Возможно, в тот день, когда в двенадцатилетнем возрасте впервые села на старый мотоцикл отца. С годами поняла, что страх – не всегда преграда. Иногда он – ключ, открывающий дверь к чему-то настоящему.

На скорости город терял свою обыденность, переставая казаться набором проблем и обязанностей. Исчезали мысли о деньгах, усталости и чужих ожиданиях. Скорость не давала решений, но дарила ощущение реальности и освобождения.

На трассе нет места притворству. Там сразу видно, кто ты: собранный, испуганный, жаждущий жизни. Именно дорога дарила мне настоящую свободу: жестокую, короткую, дикую. Она длилась ровно столько, сколько длился заезд. Но этих минут хватало, чтобы вспомнить: я не просто выживаю. Я живу.

Потом, конечно, всё возвращалось: больница, работа, деньги, страх. Но эти несколько минут счастья – уже не пустота. Для кого-то скорость – путь к гибели. Для меня –

единственный способ не умереть внутри. И, возможно, поэтому однажды я зашла слишком далеко...

Глава 1

Ника

К концу смены кухня ресторана «Ганьер» всегда напоминала поле боя. Жара такая, что дышать нечем. Из металлической вытяжки над плитой тянуло горелым жиром, и все уже на нервах. Посуда гремела, в кастрюлях шипела вода, а повара орали друг на друга так, будто от этого соус станет вкуснее. На самом деле, они просто пытались не чокнуться после девяти часов на ногах.

Мои руки пахли луком и моющим средством, а спина невыносимо ныла, будто туда медленно закручивали винт. Я резала зелень как сумасшедшая, а младший повар Дима еле успевал подносить контейнеры.

– Ведьмова, шевелись! – рявкнул на русском вечно недовольный, седовласый, с морщинистым лицом шеф и владелец заведения француз Поль Ганьер. – У нас столик на шесть персон висит, а ты как на похоронах.

Я едва заметно сжала зубы. Очень хотелось съязвить, что похороны в моей жизни вполне реальны. Взять хотя бы внезапную смерть отца от сердечного приступа три года назад. После этого мама сильно заболела, и теперь я металась между работой и больницей. Но Марк, управляющий заведением, за такую дерзость запросто мог оставить без платы за

смену. Поэтому я молча отдала контейнер, подхватила следующую доску и продолжила работать.

Рядом Инна, полноватая женщина с копной тёмных волос, прикрытых рабочим колпаком, в сером костюме и синем фартуке, обжигала ладони о противень, матерясь шёпотом. На горячем цехе снова произошла накладка. В окошко выдачи просунулась Дана, официантка с собранными в тугий хвост мелированными прядями. Натянута улыбка не спасла её от испепеляющего взгляда шефа. Обычный вечер в типичной адовой кухне ресторана.

Я посмотрела на часы над дверью. Почти половина пятого. Если успею быстро переодеться, то в больницу доберусь до окончания посещений. Если повезёт – принесу маме её любимый йогурт и смогу посидеть с ней хотя бы минут двадцать. Если не повезёт – буду смотреть на неё, спящую, через стекло, пока медсестра делает вид, что не замечает меня.

Последние три года моя жизнь крутилась вокруг слова «если». Если хватит денег. Если анализы не ухудшатся. Если я ещё немного потерплю и не сломаюсь раньше. Если...

– Ведьмова! – вскрикнул Поль.

Я вскинула голову.

– Да?

– Соус на четвёртый стол, где?

– Уже идёт.

– Так пусть идёт быстрее!

Я поставила сотейник на раздачу резче, чем следовало.

Инна сочувственно глянула на меня, но я неотреагировала. Если сейчас кто-то спросит, всё ли у меня нормально, то клянусь, запущу в него половником.

Когда смена, наконец, закончилась, ноги невыносимо гудели. Я побрела в раздевалку. Войдя, стянула фартук, бросила его в корзину для грязного белья и на секунду опёрлась ладонями о край стола, чтобы отдышаться. Липкая плитка под резиновыми шлёпками, на запястье остался красный след от резинки перчатки, в висках пульсировала тупая боль. Почти привычное состояние после каждой отработки.

– Ника, – окликнула Нина. – Ты сегодня к матери?

– Да, – ответила я.

– Как она?

Я пожала плечами и глянула в небольшое зеркало над столом. Стянула колпак и резинку, встряхнула волнистые фиолетовые волосы до плеч. Сняла с себя синий рабочий костюм, достала из шкафчика белый свитшот, синие джинсы и надела их. Взяла с крючка кожаную куртку, накинула, а шлёпки сменила на кроссовки. Всё это время я молчала. Что ответить?

«Не знаю. Держится. Врачи смотрят. Надеемся».

Бездушные слова. Однако Нина смотрела искренне, и поэтому врать ей не хотелось.

– Не очень, – ответила я наконец. – Но пока стабильно.

Нина кивнула и неловко коснулась моего локтя.

– Если нужно будет подменить, скажи.

– Спасибо.

Я понимала, что она говорила от чистого сердца, но всё равно не попросила бы. Потому что подмены и сочувствия не оплачивали лекарства и не закрывали счета. В реальности всё стоило денег, которых у меня всё меньше.

На улице оказалось холоднее, чем я ожидала, несмотря на середину весны. Ветер пробирался до кожи, а воздух пах дождём и влажным асфальтом. Вечерняя Москва всегда выглядела иначе: без дневной суеты, спешащих людей, которые делали вид, что всё у них под контролем.

Я спустилась в метро, нырнула в вагон и уселась на сиденье. Всю дорогу смотрела на себя в стекле напротив. День за днём я превращалась в робота: подъём, работа, больница, аптека, счета, короткий сон. И где-то в промежутках – я. Та Ника, что когда-то громко смеялась, не считала копейки и не боялась ошибиться.

В больничном светлом холле пахло привычным запахом антисептика. За стойкой регистрации медсестра в костюме пудрового цвета пролистывала журнал. В телевизоре без звука шли новости, а за углом раздался чей-то кашель. На лифте вновь висела табличка «Поломка», поэтому я направилась к лестнице. Поднялась на третий этаж и у нужной палаты замедлила шаг. Перед тем как войти, всегда натягивала улыбку, но мама неизменно замечала усталость в глазах и пыталась утешить.

Мама, Ольга, в халате с пёстрыми цветами, светлыми короткими волосами, собранными заколкой на макушке, сидела на кровати, опершись на подушку. Она просматривала телефон в очках, которые прозвала «старушечьими». Когда я вошла, мама подняла глаза и сразу улыбнулась. Вот это каждый раз и било сильнее всего: не слабость, не капельницы, не бледность кожи. Улыбка...

– Привет, мам.

– Привет, моя хорошая. Ты поздно.

– На работе завал.

– Конечно. – Она отложила телефон. – Ты ела?

Я хмыкнула и подошла ближе.

– Разумеется. Я же работаю в ресторане, помнишь? Там нас кормят с серебряных подносов, обмахивают веерами и поют серенады.

– По тебе не видно, что тебя обмахивали, – отметила она.
– Вид у тебя как у человека, снова совравшего матери.

Я поставила йогурт и булочки, купленные в магазине, на тумбу, села на край стула и взяла её за руку. Тёплая, тонкая, слишком лёгкая.

– Я не вру.

– Ника...

– Я держусь, – ответила ей, опустив взгляд. – Честно.

– Я не об этом.

Мама вздохнула и чуть сжала мои пальцы.

– Врач заходил сегодня днём.

Сердце неприятно дёрнулось.

– И?

– Сказал, что нужно быстрее решать с операцией.

Я резко подняла на неё глаза и приоткрыла рот, чтобы ответить, но мама тут же добавила:

– Не смотри так. Я не умираю прямо сейчас.

– Это не смешно.

– А я и не шучу.

В одиночной, с серыми стенами, палате наступила тишина. Но она быстро нарушилась, проехавшей каталкой в коридоре за дверью. Затем раздались голоса персонала, а из соседней комнаты донёсся писк прибора.

– Сколько? – спросила я.

Мама отвела взгляд.

– Ника...

– Сколько, мам?

Она назвала сумму. Внутри всё похолодело, хотя я, в принципе, этого и ждала. Настал момент, когда цифры превратились в стену: высокую, гладкую, без шансов зацепиться.

– Хорошо, – кивнула я.

– Что хорошо?

– Хорошо, значит, соберём.

– Каким образом?

– Я найду.

Мама посмотрела на меня усталым взглядом.

– Не делай то, о чём потом пожалеешь.

От этих слов мне стало слишком тесно в груди.

– А если уже делаю? – вырвалось раньше, чем я успела остановиться.

Мама замерла. Я тоже. Мы обе понимали, что речь шла не о работе в ресторане. Несколько секунд тянулись очень долго. Мама сняла очки и потёрла переносицу.

– Ты обещала, что завяжешь, – прошептала она.

– Я почти завязала.

– Ника...

– Мне нужны деньги.

– Мне нужна живая дочь!

Я резко встала и подошла к окну. За стеклом ночная Москва размазалась огнями, а машины медленно тянулись в пробке.

– Всё под контролем, – отчеканила я, не оборачиваясь. Пыталась убедить маму, но, кажется, больше себя.

– Я родила тебя, – ответила мама. – Не рассказывай мне про контроль тем голосом, которым ты врёшь сама себе.

Я закрыла глаза. Мама всегда видела сквозь мою защиту, и за это я её обожала. Но именно поэтому иногда рядом с ней было тяжелее, чем с другими.

– Не могу просто сидеть и ждать, – шепнула я.

– Ника, я не прошу тебя сидеть и ждать. Но не нужно погибать из чувства долга.

Я обернулась.

– Я не погибну.

Мама грустно улыбнулась.

– Все так говорят.

Злость охватила с головой: на мир, болезнь, счета, врачей, мою беспомощность, вызывая в душе обжигающее негодование.

Я вернулась к стулу и снова присела.

– Послушай, мы сделаем эту операцию. Поняла? Я найду деньги. И ты ещё будешь выносить мне мозг по поводу того, что я мало ем и поздно ложусь спать.

– Это правда, кстати.

Я фыркнула, и мама тихо рассмеялась. Смех быстро перешёл в кашель. Я вскочила, помогла ей приподняться, подала бутылку с водой. Когда всё закончилось, мама устало откинулась на подушку и прикрыла глаза.

– Я справлюсь, мам.

– Вот именно это меня и пугает, – пробормотала она, уже засыпая.

Я просидела рядом ещё минут двадцать, слушая её дыхание и глядя на монитор над кроватью. В палату заглянула медсестра и настойчиво напомнила, что время посещения закончилось.

Выйдя в коридор, я достала телефон из кармана куртки. На экране высветилось три пропущенных от Севы и одно сообщение:

«Сегодня крупный заезд. Под мостом, через три часа. Неплохая ставка. Нужны нормальные руки. Ты в деле?»

Я уставилась в текст, пока буквы не поплыли.

«Нужны нормальные руки».

Как будто это не ночная трасса, мокрый асфальт и чуваки, готовые выкинуть тебя в кювет ради победы. Просто работа. Очередная смена. Пальцы сами набрали ответ:

«Буду».

Отправив сообщение, я несколько секунд не двигалась. Убрала телефон обратно в карман и спустилась на первый этаж.

Выйдя из больницы, ночной воздух ударил в лицо сыростью. На парковке курил мужчина, прикрывая огонёк ладонью, вдалеке во дворе лаяла собака. Я запрокинула голову к тёмному небу, рассчитывая отыскать в нём ответ, не совершаю ли самую большую ошибку в своей жизни. Конечно, оно

мне ничего не сказало. Я села на лавочку, стянула резинку с запястья и снова собрала волосы – ту же, жёстче. Телефон в кармане завибрировал. Сева прислал только адрес и короткое:

«Ведьма вернулась?»

Я усмехнулась без всякой радости. Она никуда и не уходила.

Глава 2

Ника

К гаражу я добралась за сорок минут до старта. Роллетная дверь поднялась с тяжёлым скрежетом, и из темноты запахло холодным металлом, старым маслом и пылью. Лампа под потолком загорелась не сразу, мигнув дважды.

Мотоцикл стоял у дальней стены под серым чехлом. Я подошла и стянула ткань одним движением. Глубокий фиолетовый. Почти чёрный в тени и густо-лиловый там, где по пластику скользнул свет. Yamaha YZF-R1, перебранная руками Севы, моего близкого друга, до последнего болта. На баке – тонкая серебристая полоска, на хвосте – царапина, оставшаяся с прошлого сезона, как напоминание о том, что асфальт никогда не прощал даже красивых ошибок.

Я провела ладонью по баку.

– Ну что, девочка? Пора снова сделать вид, что мы бессмертные?

Проверка заняла считанные минуты: цепь, тормоза, давление, топливо. Сменила одежду на серую термуху, защиту, байкерскую куртку, перчатки и взяла чёрный шлем. Посмотрела на себя в мутное зеркало у двери. Ника – бледная, злая, с зелёными глазами, выдающими долгие бессонные ночи и постоянное притворство, будто всё схвачено. Выкатила мо-

тоцикл, закрыла гараж. Уселась в седло, повернула ключ зажигания и нажала на стартер. Двигатель ожил низким, сдержанным рычанием. Но я знала этот звук слишком хорошо. Ни капли спокойствия, а только готовность. Глубоко вздохнула, надела шлем, опустила визор, и беспокойная Ника исчезла.

Под мостом уже собирались. Услышала раньше, чем увидела: рёв моторов, смешки, выкрики, динамичную музыку из колонки и подначивающий толпу голос Давида Фролова – организатора заездов. Я свернула к площадке под эстакадой, асфальт блестел после дождя. В лужах дрожали жёлтые фонари, и Москва выглядела так, будто на одну ночь решила не притворяться приличной.

Вокруг спортбайки: красно-белая Aprilla, чёрный Kawasaki Ninja с кислотными вставками, оранжевый Suzuki, рядом с которой парень в худи подкуривал сигарету, и спортивные машины. Низкая синяя Honda кружила под восторженный возглас наблюдателей. Из-под её колёс клубился серый дым от трения об асфальт.

Моя фиолетовая R1 сразу притянула взгляды, как только я остановилась неподалёку. По толпе прошла волна перешёптываний.

Сева стремительно приближался ко мне: высокий блондин, в полной экипировке мотоциклиста, широкоплечий, но без излишней мускулистости, с прямым носом и тонкими губами. Его руки, насквозь пропитанные машинным маслом,

неоднократно возвращали к жизни байки.

Он опустил на корточки и внимательно осмотрел мотоцикл.

– Узнал у Давида про заезд, – сообщил он. – Довольно большой.

– Кто едет? – Я сняла шлем.

– Один из северных. – Сева выпрямился. – На BMW. Кличка – Князь.

– Не слышала.

– Значит, тебе повезло.

Я усмехнулась.

– Маршрут?

– Старт из-под моста, – он понизил голос, – дальше через старую развязку, потом набережная, короткий участок по промышленной зоне, подъём к элеватору, спуск через сервисный тоннель и финиш у грузового терминала. Асфальт мокрый, на выходе из тоннеля колея, на набережной скользко, а у элеватора – кусок битого покрытия.

– То есть, мило не будет, – отчеканила я.

– Совсем нет. – Он замолчал на секунду. – Ника, если почувствуешь, что байк гуляет слишком сильно, не упирайся. Серьёзно. Скинь и выйди. Деньги большие, но...

– Но не стоят шеи? – подсказала я.

Сева цокнул языком.

– Да.

Я посмотрела на мотоцикл, как отражался свет на мокром

баке.

– Для кого как, – прошептала я.

Сева тяжело вздохнул.

Позади него подкатил BMW и остановился – бело-сине-красный пластик, слишком чистый и дорогой для этой грязной ночи. Соперник снял шлем. На нём чёрная балаклава, открывающая только разрез тёмных глаз. Мужчина подошёл ближе.

– Так вот ты какая, – отчеканил он. – А я думал, Ведьма – сказка для новичков.

– А я думала, Князь будет поумнее имени, – съязвила я.

Сева фыркнул.

– С характером, – отметил Князь. – Хорошо. Не люблю скучные заезды.

– Тогда тебе повезло.

Он задержал взгляд на моём байке.

– R1? Смело.

– BMW? Предсказуемо.

Князь чуть наклонил голову.

– Надеюсь, ты выехала не ради красивого появления.

– А ты – не ради красивых слов.

Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга, затем Князь развернулся и пошёл обратно к своему мотоциклу.

– До финиша, Ведьма, – бросил он через плечо.

Внезапно меня прошибло. Прозвище, которым прозвали

в кругах, стало альтер эго. Я надела шлем и застегнула ремешок. Мир снаружи стал приглушённым и далёким. Различные голоса слились в кашу, а музыка провалилась под бетон. Внутри остались только моё дыхание, пульс и ровная вибрация мотоцикла между коленями.

Мы с Князем остановились у линии старта. Девушка вышла между байками и подняла руку. Я положила пальцы на сцепление, и внезапно в голове прозвучал мамин голос:

«Прошу тебя, не погибай из чувства долга».

Я на секунду прикрыла глаза.

– Извини, мам.

Рука девушки резко опустилась, и мы сорвались одновременно. Старт на мотоцикле всегда жёстче, чем на машине. Никакого комфорта – только скорость, ветер и ощущение, что тебя сейчас выкинет из седла.

Моё переднее колесо чуть приподнялось, и байк рванул. Под мостом слышался шум моторов. Князь сразу вырвался вперёд на полколеса. Я не стала сразу за ним гнаться, просто села на хвост и изучала: как поздно он тормозил, как сильно наклонял байк в поворотах и как резво газовал на выходе. На развязке Князь ехал агрессивно – быстро, широко, уверенно. Его байк легко держал мощь, и на прямой он получил преимущество, с которым спорить было бы глупо. Но ведь гонку не выигрывают только за счёт мотора. Особенно ночью, и уж тем более на мокрой дороге.

Первую длинную дугу я прошла ближе к бордюру и сокра-

тила отрыв. На набережной ветер налетел сбоку, руль дёрнулся. Фонари размазывали свет по влажному бетону, река слева, за низким ограждением, выглядела чёрной, а асфальт блестел так красиво, будто не пытался убить тебя.

Князь обернулся, чтобы убедиться, что я всё ещё позади. Я была, и даже стала ближе. Он прошёл поворот у старого склада идеально, плавно и широко, а я зашла в него резко, более агрессивно. Фиолетовый нос моей R1 мелькнул рядом с его плечом. Князь тут же сместился, и я усмехнулась под шлемом. Значит, заметил и следовательно, не так уж и спокоен.

Дальше началась промзона – с редкими фонарями, пустая. Звук моторов слышался насыщенной, отскакивая от контейнеров. Мы ехали слишком близко. На мотоциклах это ощущалось иначе. В машине ты сидишь в коробке металла, а здесь – чужое колено, траектория, один неверный сантиметр – и вас уже собирают по асфальту в разных сторонах.

Князь попробовал прижать меня перед связкой коротких поворотов. Не грубо, но с расчётом, чтобы сама выбирала: тормозить или идти на риск. Типичный ход, ничего особенного. Любой другой бы сбавил обороты, но я уже давно не «любой другой».

На стыке покрытия заднее колесо моего байка странно дёрнулось. Сердце подскочило под горло, но я удержалась. Мы с Князем вошли в поворот почти бок о бок. Именно тут внутри взвыла Ника. Для неё слишком быстро. Она помни-

ла больницу, считала деньги. Ника слышала дыхание мамы даже во сне и знала цену прожитому дню. Я на мгновение сморщилась, возвращая прозвище, которое всегда не нравилось, но всякий раз приходило вовремя: Ведьма. Бездушное существо, точно знающее, где на мокрой дороге можно поймать сцепление и как поздно можно наклонить байк, прежде чем всё полетит к чертям.

Я положила байк до грани. Резина зашипела по мокрому асфальту, подножка почти чиркнула. Мир сузился до поворота, света фар, до стука в висках, и я выскочила первой. Даже сквозь шлем и рёв мотора слышала крики толпы у дальнего перекрёстка:

– Ведьма!

Князь не отпустил. Он не занервничал и не полез в грязь, просто пристроился сзади, ожидая ошибку.

Подъём к элеватору узкий и разбитый. Асфальт не держался, разваливаясь на куски прямо под колёсами. Я ощущала каждую вибрацию через руль, бак и колени. BMW сзади то приближался, то исчезал в слепой зоне, но его присутствие чувствовалось почти физически – как нож у лопаток.

На подъёме Князь ускорился. Его байк выстрелил справа, мощнее, тяжелее. На долю секунды бело-сине-красный пластик оказался рядом с моим фиолетовым. Князь повернул голову. Это был вызов, на который я ответила газом.

Спуск к сервисному тоннелю всегда напрягал – слишком тёмный, тесный, похожий на место, откуда можно не вер-

нуться. Свет в нём рваный, жёлтый, с провалами между фонарями. Ямки заполнились водой после дождя, и, если войти в них не под тем углом, байк мог завилаться. Я помнила предупреждение Севы, но память – плохой тормоз, когда за спиной больничные счета.

Я вошла в тоннель первой. На выходе переднее колесо ударило по воде. Байк слишком сильно качнуло, и на миг всё поплыло: свет, бетон, линия бордюра. Я почувствовала, как зад разгрузился и траектория ушла наружу, туда, где серел край отбойника. Однако руки сработали быстрее страха. Поймала и мягко скорректировала мотоцикл. Выпрямила и, убедившись, что он всё ещё мой, облегчённо выдохнула.

Позади раздался короткий металлический визг. Князь тоже влетел в воду, но зашёл шире и позже. Этого хватило не на ошибку – на пол-ошибки. Я вылетела из тоннеля с преимуществом в несколько метров.

Дальше последняя прямая к грузовому терминалу. Фары резали туманную сырость, контейнеры по бокам стояли чёрными стенами. Вдалеке виднелась финишная отметка – свет фар, размытые фигуры, ждущие удара, падения или чуда.

Сохраняя преимущество, я пригнулась ниже к баку, сливаясь с фиолетовым мотоциклом в одно целое, и вжала газ до упора. Мотор взвыл тонко и яростно, а воздух ударил в плечи. Финиш понёсся навстречу.

На самой линии время растянулось, как бывает только в самых страшных секундах. Я пересекла её первой. Толпа

взорвалась восторгом, выкрикивая:

– Ведьма! Ведьма! Ведьма!

Не сразу сбросив газ, я позволила байку лететь по инерции. Потом мягко притормозила, увела мотоцикл в сторону и остановилась под светом прожектора. Руки всё ещё дрожали на руле. Я не снимала шлем, просто сидела, чувствуя, как подо мной тикал горячий двигатель. В груди колотилось сердце, и внутри, под адреналином и злостью, под образом Ведьмы, снова задышала Ника. Живая.

– Цела? – рявкнул Сева, появившись передо мной.

– Пока да. – Я заглушила мотор и выставила подножку.

Он упёрся ладонями в руль, наклонился ближе и некоторое время молча смотрел на меня.

– Ты вообще понимаешь, что это было? – наконец выдохнул Сева.

– Победа, если мне не изменяет слух.

– Ника, это безумие!

– Ну да. Поэтому всем и понравилось.

Сева покачал головой и отступил.

– В какой-то момент я подумал, что тебя размажет о бетон.

– Но не размазало.

– Это аргумент, конечно, железный.

Я сняла шлем. Влажный воздух ударил в лицо, холодный и пахнувший дождём, бензином и перегретыми тормозами. Волосы прилипли к вискам, шея ныла, а ладони под перчат-

ками были мокрыми.

Сева посмотрел на меня уже чуть спокойнее. Он сунул руку во внутренний карман кожаной косухи и достал туго перетянутую резинкой пачку денег. Неровные, разномастные купюры и протянул мне, но не отпустил сразу, когда я взялась.

– Посчитай потом, – сказал он. – Здесь всё.

– Сколько?

– Хватит оплатить некоторые лекарства для тёти Оли.

Сева прекрасно знал о состоянии мамы. Я медленно убрала деньги во внутренний карман куртки, надела шлем и опустила визор.

– Спасибо, – поблагодарила я.

– За что?

– За маршрут. За предупреждение. За то, что не полез вытаскивать меня с трассы раньше времени. За деньги.

Сева криво усмехнулся.

– Я, может, и полез, если бы успел. Но ты носишься как проклятая.

– Работа такая.

Он задержал на мне взгляд.

– Нет, Ника. Работа – это когда возвращаешься домой уставшая. А это... – он махнул рукой в сторону трассы. – Это ты себе придумала войну с миром.

Хотелось съязвить, но удержалась.

– Увидимся, – отмахнулась я.

Сева дружески хлопнул меня по плечу, и тело вспомнило нагрузку. Болело всё: запястья, спина, шея, бёдра. Я завела байк и поехала в сторону гаража. Адреналин отступал, оставляя после себя пустоту и мелкую внутреннюю дрожь. Благодаря выигрышу появились силы думать о завтрашнем дне. Я вернусь домой с небольшой суммой, вновь рискнув всем, но благодаря Ведьме смогу купить лекарства для мамы.

Глава 3

Нолан

Спустя тринадцать лет я вернулся в Москву. Планировал подписать контракт с компанией «МотоЭра», чтобы закрепиться в городе, где провёл свои пятнадцать лет юности. Даже переехав в Европу, я всегда ощущал незримую связь с Россией. Возможно, дело в русских корнях моей бабушки, Натальи, ведь именно она научила нас с Аленом, моим младшим братом, говорить по-русски.

Бабушка, как и родители живёт во Франции. Мама, София, – талантливая художница и владелица галереи в центре Парижа, где выставлены её картины и других художников. Отец, Густав, – инженер-механик. Из-за его работы мы и прожили в России много лет. Отец также привил мне и брату любовь к мотоциклам. Он обожает копаться в своём старом байке, разбирать, перебирать и заново собирать.

Сидя в жёлтом такси, я погрузился в воспоминания. Всё выглядело одновременно знакомым и чужим. Те же широкие проспекты, тяжёлые фасады зданий, люди на остановках – как всегда, молчаливые и серьёзные. Но город в памяти – совсем иной, сохранивший моменты: запахи, свет в конкретном окне, двор, где тебе пятнадцать, и веришь, что мир однажды сдастся перед твоим упрямством.

Водитель невнятно пробубнил про пробки, про ремонт на мосту, про то, что центр в это время всегда стоит. Я кивал, не вслушиваясь. Он несколько раз поглядывал на меня в зеркало заднего вида. Такие взгляды, когда человек вроде бы тебя узнал, но не уверен, стоит ли об этом говорить.

В мире мотоспорта ты можешь быть очень известным среди гонщиков и болельщиков. Но для обычных людей ты человек со знакомым лицом, и они думают:

«Кажется, он спортсмен».

Меня это устраивало, ведь никогда не чувствовал себя суперзвездой. Нравилось, что слава приходила только во время работы. Это единственный вид внимания, от которого не хотелось сбежать. Но проблема в том, что бизнес всегда требовал большего.

Когда машина подъехала к пятизвёздочному отелю, небо над Москвой стало низким и серым, как будто залитым бетоном. Я вышел на тротуар и оглядел высокое здание, стеклянные двери и развивающиеся ветром флаги. У входа стоял швейцар в сером костюме. Водитель достал из багажника мой чёрный чемодан на колёсиках. Поблагодарив его, я схватил ручку сумки и направился к строению.

В просторном холле с мраморным полом, отражающим свет хрустальной люстры под потолком, ждал мой менеджер – Марек Палмер. Он прилетел раньше на несколько дней, чтобы уладить последние вопросы перед контрольными встречами. Марек, высокий, смуглый, сорокалетний

мужчина в сером пальто, стоял возле стойки регистрации, задумчиво стуча пальцами по планшету.

Он заметил меня и коротко кивнул.

– Ты опоздал на семь минут, – отчеканил Марек на русском с британским акцентом вместо приветствия.

– Самолёт прилетел вовремя, – ответил я.

– А ты нет.

– Значит, виновата география.

Марек опустил планшет.

– Нолан, встреча через сорок минут.

– Я в курсе.

– Влад не любит ждать.

– Я тоже.

Марек окинул меня взглядом, в котором читалось:

«Ты приносишь мне большие деньги, но как же ты меня раздражаешь!»

– Нолан, постарайся сегодня не перегибать палку, – попросил он.

– Это одна из самых идиотских просьб, которые ты когда-либо формулировал.

– И тем не менее я произношу её не впервые.

Я взял ключ-карту у приветливой девушки-портье и поднялся в номер на шестнадцатом этаже. За каких-то десять минут переоделся, умылся холодной водой и сменил дорожную рубашку на тёмно-синюю, без логотипов. В зеркале над раковиной на меня смотрел тридцатитрёхлетний мужчина с

серо-зелёными глазами, с почти чёрными волосами и намёком щетины – тот самый, кого в спортивной прессе обычно называли собранным, дисциплинированным и психологически непроницаемым.

Журналисты любили умные слова, но на самом деле они не знали людей, о которых писали. Они видели только их образ на экране, поступки, удобные истории и то, как эти легенды вписывались в рекламу. То, что обо мне писали, иногда даже было правдой.

Офис компании «МотоЭра» занимал два верхних этажа небоскрёба в деловом квартале – много стекла, пространства, с тщательно продуманным дизайном. На стенах висели фотографии гонщиков с наградений, плакаты с лозунгами, под которыми разместились горшки с высокими комнатными растениями. Секретарша в строгой светлой юбке-карандаш и атласной блузке провела нас с Марексом в переговорную с панорамными окнами. На длинном столе графитового цвета стояли вода, кофе, планшеты, папки с материалами и небольшое кашпо с декоративными цветами.

Я сел, положил руку на стол и мысленно отметил расстояние до стеклянной двери. Полезная привычка, хотя в деловых переговорах от неё мало толку, скорее для успокоения.

Влад Орлов появился через минуту. Я видел его на фото и в интервью, и в жизни он произвёл именно то впечатление, которое ожидаешь от руководителя бренда, продающего скорость в дорогой упаковке. Мужчина лет пятидесяти, в дорогом костюме и с часами на руке, с обаятельной, но тщательно продуманной улыбкой.

Я поднялся, и мы пожали друг другу руки.

– Нолан Буше, рад наконец познакомиться лично.

– Взаимно, – кивнул я.

– Ваш русский великолепен, акцента почти не слышно.

– Спасибо.

– Признаюсь, давно хотел увидеть, соответствует ли легенда реальности.

– И каков вердикт?

Влад усмехнулся.

– Пока рано выносить.

Мы сели за стол. Справа от него устроился Андрей – маркетолог, слишком бодрый для утра, с безупречной лакированной укладкой светлых волос, в белой рубашке и чёрных брюках. Слева – брюнетка в очках с чёрной оправой из PR-отдела, в красном, обтягивающем стройную фигуру платье и с таким видом, будто уже предвидела все наши ошибки. На бейджике, закреплённом на груди, имя – Эллина.

Первая часть встречи шла ожидаемо: цифры, стратегия, спортивные и технические планы на грядущий сезон, доступ к разработкам, инженерная база, тестовые программы. Я чувствовал себя комфортно, ведь отлично понимал, что такое скорость, риски, ресурсы и как важна стабильность.

Влад задавал точные вопросы, я отвечал так же. Несколько раз он кивнул с интересом, когда разговор уходил в детали настройки и пилотирования.

– Нолан, – заговорил Влад, переплетая пальцы, – давайте откровенно. Со спортивной точки зрения вы для нас очень сильный актив. Возможно, лучший из доступных. Ваше имя, результаты, международный опыт, дисциплина – всё это, безусловно, работает на ценность бренда.

Я молча смотрел на него. Влад собирался «откровенно»

рассказать мне, как лучше жить, но на самом деле хотел взять мою жизнь под свой контроль.

– Но, – продолжил он, – мы работаем не только со спортом. Мы работаем с рынком. А рынок, к сожалению или к счастью, не покупает исключительно секунды на трассе. Он покупает историю.

Марек, слева от меня, выпрямился на стуле, и я сразу понял: он уже слышал эту формулировку и теперь ждал моей реакции.

– Историю? – переспросил я.

– Именно. Понимаете, в Россию вы в определённом смысле возвращаетесь не как свой. Вас знают профессионалы, поклонники чемпионатов, индустрия. Но для широкой аудитории вы... – он сделал короткую паузу, подбирая слово, – дистанцированы.

– Это дипломатичная форма слова «чужой»?

Уголки его рта слегка дрогнули.

– Скажем так: недостаточно эмоционально присвоенный рынком.

Я откинулся на спинку кресла.

– Продолжайте.

Влад посмотрел на пиарщицу, и та включила экран. На нём появились слайды: исследования, профили аудитории, как люди воспринимают спортсменов, что вызывает доверие, семейные ценности, национальная идентичность и лояльность клиентов. Очередные красивые диаграммы, за ко-

торые уже заплатили.

– Люди хотят видеть не просто сильного гонщика, – заявила Эллина спокойным голосом. – Нужен не недостижимый победитель, а человек, чья жизнь понятна и близка.

– Дом, – добавил маркетолог. – Корни, стабильность, связь с местом и надёжность.

– Завтрак на террасе? – уточнил я. – Собака? Светлый трикотаж?

Он неловко усмехнулся, не поняв, шучу я или нет.

– Если упрощать – да, – вмешался Влад. – Успех хорошо продаётся, когда он не пугает. А вы, Нолан, пока пугаете. Слишком европейский, закрытый, безупречный в плохом смысле этого слова.

– Быть безупречным теперь недостаток?

– Если это создаёт дистанцию – да.

Наступила напряжённая тишина. За окном медленно ползли тучи. Я видел в стекле собственное отражение – тёмный силуэт на фоне серого города, которому пытались вбить, что победы – это хорошо, но ты должен выглядеть, как идеальный мужчина во всём, чтобы тебя покупали.

– И что конкретно вы хотите? – уточнил я.

– Образ, которому поверят в России, – ответил Влад. – Не искусственный, а настоящий, с понятной историей. В идеале – семейный контур.

Внутри поднялось знакомое холодное раздражение. Не переносил, когда чужие люди судили о моей жизни, как о

неудачной витрине.

– Семейный контур, – повторил я. – Интересное выражение.

– Вы понимаете, о чём я.

– Более чем.

Марек вмещался прежде, чем я успел сказать что-то ещё.

– Влад, если позволите, мы обсуждали постепенную стратегию встраивания. Публичные проекты, локальные инициативы, работа на узнаваемость...

– Это всё будет, – перебил его Влад. – Но этого мало. У нас есть очень конкретный вопрос доверия аудитории. И у нас, будем честны, есть альтернатива.

Вот тут стало по-настоящему интересно, потому что, когда в переговорах произносили слово «альтернатива», это не про выбор. Это про вежливое, но жёсткое давление.

– Максим Данилов, – объявил Влад. – Вы его знаете.

Конечно, я его знал. Местная знаменитость. Не гений, но очень быстрый. Идеально подходил для съёмок, всегда улыбался. Он умел выглядеть хорошим парнем, даже когда просто пил воду. Данилова часто снимали на фоне Москвы, с семьёй, друзьями, их детьми и собаками. Думаю, его могли снять и с любым деревом, если бы сказали, что оно для него «особенное с детства».

– Максим слабее меня, – процедил я.

– В спорте – вероятно, – спокойно ответил Влад. – На рынке – не факт.

Влад не врал и не делал вид, что мы говорили о работе, команде и целях. Он прямо сообщил, что бизнес требовал от всех ценных сотрудников: талант ничего не стоит, если его нельзя выгодно продать.

– Я нанимаюсь ездить, – бросил я.

– Нет, – мягко возразил Влад. – Вы нанимаетесь стать лицом системы, которая продаёт больше, чем скорость.

Мне захотелось встать и выйти. Не театрально и не с хлопком двери. Молча подняться, взять пальто и оставить их с грёбаными графиками доверия и семейными контурами. Но злость – плохой советчик, когда на кону техника, сезон и команда, способная дать мне не просто хороший мотоцикл, а лучший из доступных. Поэтому я остался сидеть.

– Допустим, – протянул я. – И как именно, по-вашему, я должен организовать вам убедительную нормальность?

Эллина слегка кашлянула.

– Речь не о выдумках, – вступила она. – Скорее о правильной подаче того, что уже есть или может естественно появиться на публике.

– Как удобно. Значит, если у меня нет нужной биографии, я должен её аккуратно дорастить до маркетинговой пригодности?

– Нолан, – настороженно позвал Марек.

Влад спокойно посмотрел на меня.

– Я понимаю ваше раздражение, правда, – проговорил он. – Но вы взрослый человек и профессионал высокого уров-

ня. Значит, должны понимать и другое: крупные контракты давно перестали быть только про спорт. Никому не нужен просто гонщик. Нужен символ, вокруг которого не страшно строить доверие.

– Символы плохо управляются на скорости.

– Зато хорошо продают её тем, кто никогда не проедет на треке.

На этом встреча, по сути, закончилась. Мы обменялись любезностями и договорились вернуться к обсуждению условий через несколько дней. Команда готова работать, если наши технические и имиджевые ожидания совпадут. Мне пожали руку, улыбнулись и отдали материалы по бренду, а также список публичных мероприятий. Я взял папку только потому, что невежливость в такие минуты делала тебя не сильнее, а дешевле.

Глава 4

Нолан

Всю обратную дорогу до отеля мы с Марекком молчали. Я смотрел на город из окна такси, и злость внутри не проходила, а становилась всё тяжелее.

Марек вошёл следом за мной в номер. Не снимая пальто, он прошёл в ботинках по ковровому покрытию к панорамному окну, несколько минут смотрел вниз, а затем развернулся.

– Хорошо, – отчеканил Марек. – Теперь давай без твоего любимого высокомерного цирка.

– Я был предельно вежлив.

– Для тебя – да. Для людей, которые собираются вложить в тебя много миллионов, – на грани.

– Если их оскорбляет отсутствие у меня декоративной семьи, это их проблемы.

– Нет, Нолан, – отрезал он. – Это наши проблемы. Им не важно, что ты чувствуешь, им нужен результат. Конструкция, которая будет работать на всех уровнях.

Я усмехнулся.

– Какая счастливая формулировка. «Конструкция».

– Не притворяйся наивным. Ты отлично знаешь, как устроен рынок.

– Знать и терпеть – разные вещи.

– Терпеть придётся, если ты хочешь этот контракт.

Я подошёл к мини-бару, взял бутылку воды и, открыв, сделал пару глотков. Всегда ненавидел своё внешнее спокойствие, потому что это означало, что злость внутри кипела сильнее обычного.

– Объясни мне прямо, – попросил я. – Без корпоративной поэзии.

Марек кивнул.

– Прямо? Не вопрос. Ты настолько хорош в своём деле, что тебя невозможно не хотеть. Но как человек ты слишком сложный, чтобы тебя полюбили просто так. Влад боится, что местная аудитория не примет тебя как своего. Твоя закрытость не загадочная, а холодная. Нет никакой понятной личной жизни, никаких привязок, никакой «домашней» истории. Для местного рынка это минус.

Я скривился.

– Для местного рынка минус – отсутствие фотосессии с пледом?

– Не утрируй.

– Я не утрирую, а уточняю степень идиотизма.

Марек потёр переносицу.

– У них есть Данилов. Он, может, и не самый лучший пилот, но зато его история цепляет. Он свой, понятный, всегда улыбается, у него есть девушка, обычная жизнь – всё то, что люди ищут, когда хотят купить мотоцикл в кредит и при

этом чувствовать себя уверенно.

– И что ты предлагаешь? – выпалил я. – Срочно влюбиться по графику?

– Я предлагаю перестать вести себя так, будто тебя удивляет реальность.

– Меня не удивляет реальность. Меня раздражает, когда люди сидят в стеклянной коробке и считают, что имеют право обсуждать, насколько правильно устроена моя личная жизнь. Чёрт возьми, мы обсуждаем мотоциклы или мою постель?!

Марек глубоко вздохнул и устало посмотрел на меня.

– Нолан, послушай внимательно. Этот контракт даёт тебе доступ к технике, которую ты сейчас не получишь больше нигде на таких условиях. Новая команда, база, лучшие инженеры, полноценная программа под тебя. Ты ведь хочешь закрепиться в Москве? Хочешь не быть приглашённой звездой на сезон, а построить платформу на несколько лет? Тогда тебе придётся играть в эту игру.

– Я не умею играть в домашнее счастье.

– От тебя не требуют счастья. От тебя требуют читаемости.

Марек был прав: важна читаемость образа. Журналисты, инвесторы и зрители должны мгновенно понимать: перед ними надёжный, предсказуемый человек с правильным укладом жизни, с правильной женщиной и достойным внешним видом.

– Отвратительно, – вновь скривился я.

– Эффективно, – возразил Марек.

Он ушёл через несколько минут, оставив на столе папку с материалами и фразу:

«Остынь до завтра».

Как будто злость – температура, которую можно просто сбить. Когда дверь за ним закрылась, в номере стало тихо.

Я снял пальто, бросил его на кресло, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и подошёл к окну. Город внизу жил своей жизнью: машины медленно двигались, улицы вспыхивали красными стоп-сигналами, а вдалеке мигала реклама, обещающая людям красивую жизнь за ежемесячный платёж. Прислонился лбом к холодному стеклу и вдруг понял, что меня не беспокоил проигрыш контракта. В спорте я понимал правила: погода, команда, травмы, деньги, чужие решения – на всё это я мог повлиять. Теперь моя личная жизнь стала полем боя, где пытаются перекроить всё под себя.

Я выстроил свою жизнь по своим правилам, оберегая личное пространство и прошлое от прессы. Моя жизнь, пусть и не идеальная, но только моя. Однако, как оказалось, в современном мире бизнеса это не ценилось.

Я подошёл к мини-бару, взял бутылку виски и налил в бокал, глотнул и тут же пожалел. Вкус никакой, как пустые обещания. Поставил стакан на журнальный столик и уселся на мягкий диван.

Всю жизнь я вкалывал, тренировался до изнеможения,

рисковал здоровьем, выигрывал, проигрывал, переезжал с места на место, заключал контракты, боролся за каждый сантиметр трассы. И всё это ради чего? Чтобы в один прекрасный день мне сказали:

«Извини, парень, ты, конечно, хорош, но рядом с тобой никто не смеётся за завтраком. А нам нужны улыбки».

Я взял папку со стола, оставленную Мареком, и открыл её. На первой странице – моё официальное фото, а под ним – список моих сильных сторон: опыт, дисциплина, технические навыки, лидерство, стабильность. Дальше шли советы: стать более личным, показать человечность, создать местную привязанность, продемонстрировать ценность, доверие и близость. Я закрыл папку.

Раньше думал, что унижить можно только грубостью или скандалом. Гораздо большее, когда тебя вежливо, но методично разбирали, как вещь, которой не хватало «обёртки».

Вытащив телефон из кармана брюк, обнаружил на экране кучу уведомлений: рабочие чаты, два запроса на интервью и короткое сообщение от Марека:

«Не принимай решение сегодня».

Я усмехнулся. Среди переписок в мессенджере отыскал нужную, с незаписанным номером.

«Я в Москве. Есть новости?» – написал сообщение.

Ответ прилетел мгновенно:

«С возвращением Т.А. Новостей пока нет».

«Получилось выкупить?»

«Да».

«Позже пришлю адрес, привезёшь ночью».

Отправив сообщение, я отбросил телефон. Поднялся с дивана и подошёл к окну. Я вернулся в Москву ради контракта, но на самом деле меня гнал сюда неразрешённый вопрос, терзавший душу много лет: кто же истинный виновник той роковой аварии, оборвавшей жизнь брата?

Глава 5

Ника

Утро наступило, но не принесло облегчения. Разлепив веки, я уставилась в белый потолок с трещинкой и на окно, задёнутое серыми шторами. Моё тело продолжало ломить. В ушах гудело остаточное эхо мотора, в висках стучало, а шрам на животе ныл так, будто на него давили изнутри. Я пыталась отделить шум в голове от звуков старенькой однокомнатной квартиры, доставшейся от бабушки. Из кухни доносился монотонный стук капель, срывающихся с неисправного крана в раковину, а на улице – резкие сигналы мусоровоза, сдающего назад.

Я присела, и под рёбрами вспыхнула тупая боль. Старая рана, измученная гонками, всегда напоминала о себе, словно тело бунтовало от нагрузки. Свесила ноги с кровати, нащупала на полу телефон. Экран показал семь двадцать три. Спала я от силы часа два, но перед сменой в ресторане нужно заехать в больницу, чтобы поговорить с врачом мамы.

Умывшись холодной водой в ванной, в надежде окончательно проснуться, я вышла и прошла в маленькую кухню. На стареньком кухонном гарнитуре стоял электрический чайник, и я включила его. Взяла кружку, высыпала в неё растворимый кофе из пакетика и залила закипевшей водой.

Держа в руках горячую чашку, посмотрела в окно. Обычное утро в типичном спальном районе, застроенном старыми пятиэтажками. Хотя наш район нечасто фигурировал в местных новостных лентах, я всё равно предпочитала не оставлять свой байк на ночь перед подъездом. Приобрести новый мне не по карману, поэтому он находился под присмотром в гараже Севы, рядом с его собственным.

Моя R1 досталась мне в качестве приза в выигранном заезде. В тот раз я жутко рисковала мотоциклом Севы. Огромнейшая ставка – большой риск. Но ни на йоту не сомневалась в себе, в отличие от Севы в тот момент, когда попросила одолжить его байк. Жажда победы горела неукротимым пламенем, пробудив внутреннюю Ведьму. Но, возможно, тогда хотела показать своему бывшему, что его предательство не сломило меня.

Мой первый парень, моя любовь, человек, который научил меня пилотировать – Максим Данилов. Однако он нанёс мне удар ножом в спину, бросив в самый уязвимый момент. Его карьерные планы в профессиональном мотоспорте требовали идеального имиджа, а не девушки, переживающей потерю отца и борющейся за здоровье матери. Моя неспособность улыбаться на камеру и соответствовать его ожиданиям стала непреодолимой преградой. Максим не понимал моих переживаний, а я – его амбиций. С нашим расставанием от меня отвернулись так называемые «друзья». Единственные, кто протянул мне руку помощи, – Сева и его

жена Марина. В совокупности всех жизненных ударов, я нашла отдушину в Ведьме, в её победах, которые приносили средства на лечение матери.

Больница встретила привычным белым светом, который придавал всем усталый вид, даже здоровым людям. Длинный светлый коридор, пластиковые стулья, шоркающие шаги пациентов. Я терпеть не могла это место за его неестественное спокойствие.

Врач мамы, Виталий Юрьевич, пожилой мужчина, принял меня в своём кабинете почти сразу. Он сидел за столом, заваленным бумагами, и выглядел измождённым. Его взгляд через стёкла очков, не суровый, а профессиональный, усиливающий тревогу.

Он спокойно говорил о состоянии мамы, о результатах анализов и показателях, которые *«пока ещё давали надежду на благоприятный исход»*. Но тут же добавил, что *«время не бесконечно»*.

Затем Виталий Юрьевич показал мне лист с расчётами: стоимость лекарств, работы врачей и послеоперационного ухода. Огромные суммы, нереальные для нашей семьи. Такие деньги, казалось, существовали только в чужих жизнях, на чужих счетах, но никак не в нашей.

– Мы можем подождать ещё немного? – спросила я, немного поёрзав на стуле напротив его стола.

– Я не люблю давить на пациентов, – ответил врач. – Но

в случае Ольги время – это не абстрактное понятие. Сейчас операция сложная, но контролируемая. Если мы затянем и показатели уйдут ниже, риски существенно вырастут. И стоимость, скорее всего, тоже. Некоторые вещи в медицине дешевле делать вовремя.

Он сдвинул лист чуть вперёд.

– Ника, вам нужны не обещания, а конкретика. Вот конкретика.

Я провела пальцем по строчке с итоговой суммой и тяжело сглотнула.

– Сколько у нас есть времени?

– Не месяцы. И даже не столько недель, сколько вам хотелось бы. Я рекомендую решить вопрос как можно скорее.

Осознание, что надежды больше не осталось, засело в голове, как заноза. Выйдя из кабинета, я медленно шла по коридору, хотя внутри всё уже неслось вперёд – к деньгам, которых нет, к счетам, к бессонным ночам, к рукам на руле, к риску, что теперь казался единственным выходом.

Я заглянула к маме в палату, но медсестра сообщила, что её забрали на процедуры, поэтому отправилась на работу.

К началу смены я всё-таки успела. Ресторан наполнился привычными звуками: звенела посуда, шипело масло, голова, команды шефа, запах свежего хлеба, лука и бульона.

Раньше кухня всегда помогала мне собраться и войти в рабочий ритм. Однако, я ощущала себя роботом: брала, ре-

зала, подавала. Внутри стояла вязкая пустота. Пару раз ловила себя на том, что смотрю на кипящую кастрюлю, забывая о времени. Едва не пересолила соус. Обычно я себя ругала за мелкие оплошности, но в тот момент просто исправила и продолжила, как ни в чём не бывало.

– Ника, ты в порядке? – бросила Нина, не поднимая головы от контейнеров.

– Угу.

– Выглядишь так, будто тебя кто-то переехал.

– Почти, – хмыкнула я. За спиной чувствовала на себе взгляды, но никто не приставал. На кухне знали: я либо вымотана, либо в таком состоянии, что лучше не трогать.

Ближе к обеду меня позвал в зал управляющий. Марк, брюнет, немного выше меня ростом, облачённый в белую рубашку, заправленную в коричневые брюки, стоял у стойки администратора, уставившись в смартфон. Всегда спокойный и собранный. Его жёсткий взгляд часто заставлял персонал оправдываться, ещё до того, как он задавал вопрос.

– На минуту, – кивнул Марк. Обогнув стойку, он направился по коридору, освещённому настенными торшерами, к своему кабинету возле бухгалтерии.

Насторожившись, я молча двинулась следом. Войдя в комнату, отделанную деревянными панелями, уловила запах бумаги, кофе и цветочного освежителя воздуха. Марк, на пути к своему столу, указал на стул напротив, но я осталась стоять. Устроившись на кожаном кресле, он окинул меня вни-

мательным взглядом.

– Ты сегодня режешь овощи так, как будто мстишь им за всё человечество.

Я не ответила, нервно смяв пальцами фартук.

– И это не первый день, когда ты приходишь на работу, держась исключительно на упрямстве, – продолжил Марк. – Я не люблю вмешиваться в личное, но хорошие сотрудники не валяются на дороге. Особенно такие, как ты.

– Если вы хотите сказать, что плохо работаю, то я...

– Я хочу сказать, – перебил он, – что ты работаешь слишком хорошо для человека, который давно на пределе.

Марк положил руки на стол и переплёл пальцы.

– У меня есть предложение, – добавил он. – Временное, но серьёзное.

– Что за предложение? – уточнила я.

– Частный контракт. Через наших постоянных клиентов. Одному человеку скоро понадобится личный повар в дом.

Я нахмурилась и всё-таки присела на стул.

– Готовить по расписанию, – пояснил Марк. – Под спортивный режим, контроль рациона, калорий. Ничего креативного, но всё должно быть безупречно. Аккуратно, пунктуально, конфиденциально. И, главное, надёжно.

– Почему я?

Марк приподнял брови.

– Потому что ты умеешь готовить не только вкусно, но и точно. Не разваливаешься под нагрузкой. Не болтаешь лиш-

него. И потому что мне нужен кто-то, кого не стыдно рекомендовать.

Внутри поднялось знакомое сопротивление. Чужая территория и дом, где правила не обсуждали, а выполняли. Камеры, необходимость подстраиваться под чьё-то настроение. И ещё постоянное ощущение, что ты здесь лишь по милости хозяина, который может в любой момент напомнить тебе о твоём месте.

– Мне некогда жить у кого-то в доме, – отрезала я. – У меня смены.

– Жить там не нужно. Пока не нужно, – уточнил Марк. – Но график будет плотный: утренние и вечерние выходы, закупки по согласованию, подготовка меню на несколько дней. Вероятно, придётся сократить часть смен здесь.

– То есть фактически уйти?

– Фактически – временно перераспределить время.

Я демонстративно скрестила руки на груди и откинулась на спинку.

– А если я не захочу подчиняться чужим капризам?

– Тогда откажешься. Я тебя не продаю.

Марк сказал это спокойно, и я тут же устыдилась своей резкости.

– Кто клиент? – мой голос смягчился.

– Имя назову, если ты в принципе готова рассматривать вариант.

– Значит, не назовёте.

Я отвела взгляд. На затемнённом стекле шкафа отражалось моё лицо: бледное, с тенями под глазами, кое-как собранные волосы, упрямо сжатый рот. Я выглядела именно так, как себя чувствовала: как человек, у которого заканчивались варианты.

– Сколько платят? – спросила я.

Марк назвал сумму. Я не поверила своим ушам – она настолько неожиданная, что все лишние мысли в голове разом затихли.

– За месяц?

– За месяц, – подтвердил он. – Официально, с договором. Выплаты – согласно графику.

«Официально».

Слово принесло с собой не только облегчение, но и новую тяжесть. Не мимолётная удача, не шальные деньги, которые нужно скрывать и дробить, чтобы не привлекать внимания. Не ночная лихорадка под рёв двигателя и ставками, где можно уехать с полной сумкой, а можно – вообще не вернуться. Официально означало: стабильность, прозрачность, законность и главное – надёжность. А ещё это подразумевало, что придётся пожертвовать частью свободы.

– Почему так много? – поинтересовалась я.

– Потому что богатые люди любят, когда их режим обслуживают так, будто это вопрос жизни и смерти, – невозможно ответил Марк. – И потому что за удобство и качество всегда платят дороже. Я не задаю тебе лишних вопро-

сов. Но, Ника, иногда хорошие деньги – это не ловушка, а просто шанс. Да, с неудобствами и с чужими правилами. Но шанс.

В голове всплыли лист с суммой, доктор, впервые заговоривший со мной прямо:

«Действовать нужно сейчас, иначе будет хуже».

Ночные гонки – это всегда риск. И шрам под одеждой до сих пор напоминал о себе, словно живой.

– Когда начинать?

Марк кивнул, будто и ожидал именно этого ответа, но всё равно внимательно всмотрелся в моё лицо.

– Вечером тебе позвонит ассистент из компании, – сообщил он. – Формально – собеседование. Если всё устроит обе стороны, приступишь сразу. Я дам тебе условия, примерный график и перечень требований.

– Какие требования?

– Пунктуальность, конфиденциальность, гибкость, умение не задавать лишних вопросов.

Я кивнула и поднялась.

– И ещё, Ника, – окликнул Марк. – Если возьмёшься, не пытайся героически удерживать все смены здесь. Выгоревший человек никому не нужен.

Выйдя из кабинета, шум ресторана снова накрыл меня. Официанты с подносами, телефонные разговоры и смех посетителей, – всё шло своим чередом, как будто ничего не изменилось. А ведь у меня в кармане теперь лежал не просто

новый график и шанс отдохнуть от этой суеты, а реальная надежда собрать нужные деньги.

Глава 6

Нолан

Компания арендовала для меня двухэтажный дом. Войдя, я прошёл по холлу, освещённому дневным светом через два узких окна по обе стороны входной двери. Он плавно соединялся с гостиной. Поставив чемодан, я огляделся. Внутренняя обстановка выглядела идеально подготовленной, точно фирма искала не жильё, а безупречный фон для своих новостей. Светлая краска на стенах, огромные окна, затянутые прозрачным тюлем, и минималистичная мебель. Всё блестело так, что боялся прикоснуться.

Я увидел на низком комодe, под стеклом, мой старый чёрный шлем на подставке. Усмехнулся, сразу смекнув, кто его сюда поставил. Марек сохранил шлем как память о нашем первом успешном сезоне совместной работы. В воздухе витал запах свежей уборки, дерева, новой мягкой мебели. В помещениях, в которых никто никогда не жил по-настоящему, свой особенный, стерильный запах, как в дорогой клинике.

Гостиная перетекала в столовую через арку, отделанную тёмным деревом. Овальный коричневый стол занимал большую часть пространства. В углу, перед окном, на паркете стоял горшок с цветком. Миновав комнату, я прошёл через открытую дверь на кухню. На островке меня ждал привет-

ственный набор от команды: вода, батончики, расписание и очередное скучное корпоративное письмо. Я прошёлся глазами по графику: медосмотры, интервью, съёмки, инженеры, тренировки, медиа-день, встречи с партнёрами... Договор ещё толком не подписан, а моё время уже расписано, и ни одной личной минуты.

В кармане брюк зазвонил телефон. Я вытащил его и ответил, не глядя.

– Доехал? – спросил Марек.

– Нет, ещё на взлётной полосе.

Он пропустил это мимо ушей, привыкший к моему характеру за много лет совместной работы.

– Дом в порядке?

– Да.

– Тренажёрку посмотрел?

– Марек...

– Что?

– Я в доме три минуты.

– Успеешь всё изучить, прежде чем начнёшь ворчать.

Я подошёл к окну и отодвинул штору. За стеклом – ровный зелёный газон, высокий дуб, ещё не полностью распустивший листья, кирпичный забор, за которым слышался гул машин по оживлённой дороге.

– Что ты хочешь? – уточнил я.

– Убедиться, что ты не решишь существовать на кофе, протеиновых батончиках и злости.

– На злости я очень хорошо функционирую.

– Непродолжительное время.

Я усмехнулся, хотя смешного ничего не было. Марек знал, когда нужно надавить, а когда лучше попридержать коней. Он выбрал второе, а значит, сейчас последует нечто интересное.

– Я говорил с их логистами, – сообщил он. – Всё подтверждено. Компания наняла тебе человека на кухню.

– Мне не нужен человек на кухню.

– Нолан, без этого никак. Иначе ты будешь постоянно себе мешать: забывать про еду или перекусывать ерундой, засиживаться на тренировках допоздна, спать мало и считать это нормой.

Я закрыл глаза. Бесполезно спорить с Марексом, потому что всё перечисленное – правда. Когда я оставался один надолго, моя жизнь скатывалась к опасному минимуму: мало спал, забывал про еду, тренировался до изнеможения. Марек считал это саморазрушением под видом дисциплины.

– Я отлично справлялся до этого.

– Да, – отчеканил Марек. – И поэтому последние полтора года мы с тобой постоянно обсуждаем, как тебе не развалиться к середине сезона.

Я подошёл к островку и упёрся ладонью. Усталость после бессонной ночи в отеле сделала меня нетерпеливым и лишила изобретательности, поэтому не стал менять тему.

– Сколько человек вы собираетесь ко мне приставить? –

связывил я. — Диетолога, повара, физиотерапевта, няньку?

— Если понадобится — да.

— Прекрасно.

— Нолан, — в его голосе появилась смесь сочувствия и контроля, от которой я уставал быстрее, чем от журналистов, — дело не в комфорте, а в сезоне и в ресурсе. Нужно, чтобы ты не тратил голову и силы на быт, когда можешь направить их в работу.

— Я умею разогревать еду, Марек.

— Дело не в этом.

— Как её зовут? — поинтересовался я, чтобы поскорее закончить разговор.

— Ника Ведьмова, — сообщил Марек.

Я нахмурился. Распространённая фамилия. Однако, она засела в разуме, как незаметная заноза, которую обнаруживаешь позже. За последние месяцы слышал столько имён, фамилий, что всё смешалось.

— Какой у неё профиль?

— Организация быта, — перечислял Марек, — питание, режим, закупки. Ей двадцать семь лет. Имеет опыт работы с клиентами со строгим графиком.

— Красивое описание для человека, который должен следить, чтобы я вовремя поел.

— Если тебя это так успокоит — да.

— Меня это не успокаивает.

— Тебя вообще что-нибудь успокаивает?

– Тишина.

– Привыкай, Нолан, она у тебя недолго продлится.

Я фыркнул.

– Когда она придёт?

– Завтра утром. И постарайся, хотя бы не выгнать её в первые десять минут.

– Я никого не выгоняю в первые десять минут.

– Да, обычно ты ждёшь двенадцать.

Марек повесил трубку раньше, чем я огрызнулся. Посмотрел перед собой, держа в руке потухший телефон. Скоро в доме появится посторонний человек, и надеюсь, это не станет проблемой. Я раздражённо бросил смартфон на островок. Вернувшись в гостиную, схватил чемодан и поднялся по лестнице.

Первая дверь коридора вела в спальню. Комната выполнена в тех же цветах, что и весь дом: светлые стены с деревянными рейками, высокие окна, прикрытые тёмными шторами. На большой кровати, поверх бежевого пледа, лежала аккуратно сложенная одежда от команды. По бокам постели располагались тумбы, на одной из них мерцали электронные часы. На противоположной стене находились две двери: одна вела в ванную, а другая – в гардеробную, в которой уже висели заранее присланные мои костюмы, рубашки и куртки.

Я раскладывал вещи из чемодана по местам. Футболки и брюки, практически все чёрного цвета, положил на полочки. В ванной, отделанной мраморной плиткой, увидел бело-

снежную ванну, огороженный тропический душ, а на раковине расставлены мыльные бутылочки и дозаторы.

Выйдя из спальни, я двинулся дальше по коридору. Толкнув первую дверь, обнаружил кабинет. Вдоль стены тянулся пустой деревянный стеллаж. Напротив большого окна разместился стол и кожаное кресло. Немного пройдя по проходу, я наткнулся на ещё одну дверь, за которой оказалась гостевая спальня с двойной кроватью и собственной ванной комнатой. Прихватив ноутбук и две фотографии в рамках, я спустился в гостиную. Разместил фото рядом со шлемом.

На кухне я открыл холодильник, забитый продуктами, как будто готовились к приходу целой толпы: контейнеры с едой, овощи, вода. Заварил себе кофе и открыл ноутбук, чтобы подготовиться к вечернему интервью. Предсказуемый список тем: старт сезона, адаптация в новой команде, наши цели, как справляюсь с давлением и конкуренцией, вопросы безопасности. Всё по накатанной, одни и те же заученные ответы. Главное – изобразить максимальную естественность для объектива.

Через час за мной приехал водитель на чёрном Mercedes. В машине я почти не смотрел в окно. Дорога до медиа-центра пестрила рекламой, портретами пилотов и логотипами спонсоров – привычный спортивный блеск, который я давно перестал воспринимать всерьёз.

Дальше – гримёрка, микрофон и короткие инструкции. Молодая рыжеволосая журналистка, Ксения, в голубом пла-

тье, уверенная в себе и слишком хорошо подготовленная. Такие опаснее всего: мило улыбались, но умело задавали каверзные вопросы.

Первая часть интервью прошла гладко. Мы обсудили подготовленные вопросы. Я отвечал спокойно и точно. Затем Ксения перевела разговор на дорожную безопасность.

– Нолан, вы активно выступаете за ответственное вождение, – начала она. – Насколько для вас это личная тема?

«Личная».

Я ненавидел это слово в интервью. Оно всегда обещало публике что-то настоящее, а мне – проблемы.

– Достаточно личная, чтобы относиться к ней серьёзно, – ответил я.

– Сегодня, когда соцсети романтизируют скорость и риск, особенно среди молодых мотоциклистов, как вы относитесь к подпольным уличным гонкам? Некоторые называют это «чистой страстью к байкам», выходящей за рамки правил.

Внутри всё мгновенно сжалось. Слишком быстро и знакомо. Перед глазами мелькнули картинки из прошлого: ночной асфальт, блики фар, рёв мотора, далёкая полицейская сирена и чей-то залихватистый смех. Часто проморгав, я вернулся к реальности и отчеканил:

– Я считаю это идиотизмом.

В студии повисла тишина. Не от отсутствия звуков, а от неожиданности, которая появлялась, когда собеседник вдруг ответил не по методичке.

Журналистка приподняла брови.

– Вы говорите очень жёстко.

– Потому что это и есть жёсткая тема. В подпольных гонках нет романтики. Есть только самоуверенность, плохие решения и неизбежная плата за несколько минут адреналина.

Я слышал себя и понимал, что уже перегнул палку. Но остановиться вовремя – это никогда не было моей сильной стороной.

– Знаете, – продолжил я, – люди, гоняя по городу, называют это свободой. Но на самом деле эта «свобода» заканчивается там, где из-за твоей дурацкой показухи кто-то другой потом расхлёбывает последствия. Скорость – это для гоночных трасс, где всё под контролем, и для профи, которые понимают, на что идут. Всё остальное – это не страсть, а тупая безответственность, которую красиво упаковали.

По лицу журналистки я понял: она уловила не только смысл, но и тон моих последних слов. Слишком близкий и открытый. Ксения чуть подалась вперёд.

– У вас был опыт, из-за которого вы так к этому относитесь?

Вот и всё. Мы подошли к допустимой черте. Я сделал паузу, чтобы не показаться застигнутым врасплох, и отпил воды из стакана. Вернув его на стеклянный столик между нашими креслами, произнёс ровнее:

– У меня есть глаза. И достаточно опыта в скорости, чтобы понимать разницу между контролем и иллюзией контроля.

– То есть ничего личного?

– Я уже ответил на вопрос.

Ксения улыбнулась, уловив, что лучше не настаивать, чтобы не испортить беседу.

– Тогда спрошу иначе. Нолан, вы считаете, что общество легкомысленно относится к культуре опасного вождения?

– Да.

– Даже несмотря на кампании, законы, статистику?

– Люди часто думают, что беда случится с кем-то другим – тем, кто глупее или неопытнее. Это удобно, но очень опасно.

Ксения кивнула и перешла к другим темам: регламентам, молодёжным программам, ответственности спортсменов.

Через полчаса интервью закончилось. Можно сказать, что остальная его часть прошла лучше. Пресс-атташе похвалил мою убедительность, продюсер – чёткость формулировок. Я вежливо поблагодарил, но осознавал, что ошибся. Дело было не в словах, а в интонации.

Я всегда считал уличные гонки безрассудством. Прекрасно понимал, что доли секунды могут обернуться бедой. Но в интервью это прозвучало не как мнение опытного гонщика, а как старая боль, которая, несмотря на внешнее спокойствие, всё же вылезла наружу.

Вместо того чтобы сразу ехать домой из студии, я попросил водителя высадить меня у набережной. Хотелось пройтись, размяться, прежде чем снова запирается в холодном доме. Вечер стоял на удивление сухой и тёплый. У воды си-

дели люди, смеялись, фотографировали закат, болтали о пустяках. Телефон завибрировал в кармане пальто, и я вытащил его. Марек.

– Ты видел? – спросил он без приветствия.

– Если ты про интервью, то да, я там присутствовал.

– Уже нарезают кусок про уличные гонки, – сообщил Марек.

– И?

– И он хороший, но жёсткий.

– Это проблема?

– Пока нет. Если ты не дашь им повода копать глубже.

Опершись на перила, я взглянул на воду. Тёмная, дрожащая от ветра, со скользящими белыми полосами от света фонарей.

– Мне нечего им дать, – выдохнул я.

– Вот и отлично. – Марек на мгновение замолчал. – Что с тобой было в этот момент?

– Ничего.

– Не надо.

Я усмехнулся.

– Ты позвонил как менеджер или как друг?

– Сначала как менеджер. Сейчас – как человек, который слишком давно тебя знает.

Я провёл ладонью по затылку.

– Всё в порядке.

– Вот эта фраза мне особенно не нравится.

Я мысленно с ним согласился, но промолчал.

– Завтра в девять к тебе придет Ведьмова, – напомнил Марек, возвращая разговор на безопасную тему. – Постарайся быть вменяемым.

– Ты так говоришь, как будто у меня есть другие состояния.

– Есть. И я их наблюдал, – рассмеялся он.

Завершив разговор, я ещё немного постоял у воды, потом вернулся к дороге и вызвал такси.

Вернувшись домой, снова ощутил ту же гнетущую пустоту, что и днём. Скинув пальто на спинку дивана, я направился на кухню, на ходу расстёгивая серую рубашку. Достал минералку из холодильника и прислонился к столешнице. Вытащил телефон из кармана брюк, чтобы проверить сообщения. Марек прислал краткий план на завтра. Внизу списка увидел:

«09:00 – Ника Ведьмова».

До сих пор не понимал, где слышал её фамилию, но уже предчувствовал: завтра в мою упорядоченную, привычную жизнь ворвётся посторонний человек, что мне совершенно не по душе. И зачастую именно такие нежелательные вторжения способны всё перевернуть.

Глава 7

Ника

Я заехала во двор дома через распахнутые ворота на отцовской серой Hyundai. Не вытаскивая ключ из зажигания, молча сидела в салоне, собираясь с мыслями. Моя задача – произвести первое хорошее впечатление. Необходимо успокоиться, настроиться к любым поворотам, но при этом не перегнуть палку с активностью. Внимательно слушать и понять, что именно от меня требуется. Если встреча пройдёт гладко, день можно считать успешным.

Я взглянула на свои руки. На правой ладони, у большого пальца, виднелась свежая ссадина, полученная из-за неаккуратной нарезки овощей в ресторане. Раздражённо провела по ней пальцем, поморщилась и опустила рукав свитшота. Не хотелось, чтобы в первый же день посыпались ненужные вопросы.

Воздух снаружи был сухим и тёплым. Дом выглядел внушительно: большой и явно дорогой. Белые стены, огромные окна, ухоженный газон. Рядом с таким сразу хочется проверить, чистые ли у тебя ботинки. Я подошла и нажала на звонок. Пока ждала, повторила про себя:

«Это просто работа. Всего один день».

Дверь открыл не хозяин, а ассистент по логистике из фир-

мы «МотоЭра», чьё имя я забыла после завершения вчерашнего звонка. Он деловито провёл меня внутрь, показал кладовую и расписание. Объяснил, что часть поставок уже согласована с магазинами, а детали режима лучше обсуждать с клиентом. Я слушала и запоминала, кивая.

Пройдя в гостиную, осмотрелась. Первым заметила шлем под стеклянным колпаком на низком комод. Чёрный, глянцевоый, с тонкими полосами спонсорских цветов. Рядом две фотографии в рамке. На одной: момент на трассе, мотоцикл наклонился, искры летят, гонщик почти одно целое с байком. На другой – подиум, вспышки, а в центре гонщик, в комбинезоне и в шлеме. Немного воодушевилась, поняв, что мой будущий работодатель связан с мотоциклами.

Мы поднялись на второй этаж и зашли в кабинет. Помощник с гордостью показал кубки клиента на стеллаже. Он подчеркнул, что награды доставили утром, и он сам лично их расставлял.

Ассистент повёл меня дальше, в спальню. Пока он болтал, отойдя к окну, я заметила приоткрытую дверь в гардеробную и заглянула туда. На вешалке висели вещи, комбинезоны с логотипом, а на стене – огромный постер с гонки, где крупным шрифтом выделялось имя. Замерла, когда меня осенило: Нолан Буше.

Я знала его имя: по новостям, интервью, рекламным роликам и восторженным отзывам. Нолан – профессионал, звезда, воплощение идеального спортсмена. Всегда собранный,

с безупречной осанкой, выверенной речью и пронзительным взглядом. Именно он недавно публично назвал уличные гонки «идиотизмом».

Да, я видела это интервью. Сева прислал мне ночью фрагмент с едким комментарием. Несколько фраз прозвучали так, будто Нолан обращался лично ко мне. Никакой сентиментальности, только стальная уверенность в себе. Ведь он мог рисковать, потому что у него имелось всё: специально оборудованная трасса, команда, страховка, врачи – всё по правилам, под прицелом камер.

Я заставила себя медленно и спокойно вдохнуть, стараясь не выдать ни единой эмоции. Ассистент что-то бубнил про шкафы, но я его почти не слышала. Внутри всё неприятно стянулось. Не от страха, а от злого, сухого напряжения. Если Нолан узнает или увидит, если в моей речи, походке, привычках проявится хоть малейшая ошибка, намёк на то, что я связана с мотоциклами, меня уволят в тот же день.

– Мистер Буше спустится через минуту, – сообщил помощник, когда мы вернулись в гостиную. – Можете подождать здесь.

Он вышел из дома, закрыв за собой входную дверь.

Я осталась одна в чужом, безупречном пространстве. На плече поправила ремешок маленькой сумки и сцепила руки перед собой, надеясь унять нервозность.

С лестницы донеслись шаги. Я подняла взгляд и поняла: ни одно фото и видео не передавало его реального облика.

Обычно медийные личности в жизни выглядят скромнее, но Нолан был исключением. Он оказался выше и более собранный, чем я представляла. В тёмной футболке и спортивных брюках. Спокойные серо-зелёные глаза, чёрные волосы, лёгкая щетина.

Нолан остановился на последней ступени и коротко кивнул.

– Ника Ведьмова? – спросил он на идеальном русском.

– Да.

– Нолан Буше.

Как будто это требовало уточнения. Я расправила плечи и натянуто улыбнулась.

– Доброе утро.

– Доброе.

За короткую паузу нашего молчания ощутила каждой клеточкой, как Нолан меня сканирует. Не из любопытства, а будто оценивает, смогу ли я вписаться и не подвести.

– Пройдёмте на кухню, – бросил он, и прозвучало это не как предложение, а как приказ. Я пошла за ним, чувствуя, как между лопатками неприятно покалывает напряжение.

Кухня выглядела безупречной, словно декорация дорогой рекламы: серый гарнитур с каменной столешницей, идеальное освещение. На островке лежали ноутбук и папка. Нолан не сел, и я тоже осталась стоять.

– Мне объяснили ваш профиль, – сообщил он. – Следите за режимом дня, питанием, делаете закупки и координируете

доставку.

– Верно.

– У меня есть несколько принципиальных пунктов.

Я внутренне усмехнулась. Ну, разумеется, с первого взгляда стало ясно, что у него вся жизнь состояла из *«принципиальных пунктов»*.

– Слушаю, – невозмутимо произнесла я, вытащив из сумки блокнот и ручку.

Нолан раскрыл папку, но почти не смотрел в неё.

– Завтрак в тренировочные дни – не позже чем за полтора часа до выезда. Перед утренними сессиями ничего тяжёлого. После – восстановительное питание строго по расписанию, даже если я говорю, что не голоден. Кофе ограничен и никакого алкоголя в доме.

Нолан говорил негромким, ровным голосом, без нажима, и именно от этого в нём улавливалось больше власти, чем в любом командном тоне.

– Продукты покупаются по согласованному списку, – продолжил он. – Никаких инициатив, если они не обсуждены заранее. Мне не нужна импровизация.

– Поняла, – ответила я, делая пометки.

– У меня ранние подъёмы. Иногда поздние возвращения. Если график сдвигается, вы подстраиваетесь под него.

Нолан выглядел уверенным человеком, который всё просчитал и знал, что будет, если не следовать его словам. Я продолжала кивать. Потом он добавил:

– И ещё. В доме должно быть тихо.

Не знаю почему, но именно эта фраза зацепила. Может, потому что прозвучала не как бытовое пожелание, а как требование ко всему миру.

– Без проблем, – кивнула я.

– Хорошо.

– Если только вы не подразумеваете абсолютное безмолвие.

Нолан поднял глаза, и я мысленно выругалась.

– Я подразумеваю отсутствие шума и суеты, – отчеканил он.

– Иногда это разные вещи.

– Надеюсь, нам не придётся спорить о том, что такое «достаточно тихо»?

– Я тоже на это надеюсь.

Нолан пригвоздил меня острым взглядом. Пока мы молчали, я почувствовала, как между нами накалилась невидимая нить. Меня начало бесить в нём всё: его выверенная собранность, уверенность человека, который привык к риску, но всегда в безопасных условиях. И, что хуже всего, я, похоже, тоже его задела. Уловила едва заметное напряжение его челюсти.

– Если будут особые пожелания по меню, я внесу их в график, – произнесла я, надеясь разрядить обстановку. – Плюс мне нужен доступ к вашему расписанию в реальном времени.

– Будет.

– И список ограничений по продуктам.

– Серьёзных ограничений нет.

– Непереносимости?

– Нет.

– Привычки, всплывающие в последний момент?

Вопрос вырвался сам собой, но прозвучал профессионально. Однако уголок его рта дёрнулся.

– Вы заранее ждёте от меня проблем?

– Я заранее предпочитаю знать, откуда они могут взяться.

– Разумно.

Нолан перечислил ещё кучу деталей: время приёмов пищи в дни интервью, требования к спортивному питанию, порядок поставок. Я быстро записывала, стараясь не смотреть на него слишком часто – так было легче. Когда всё-таки бросала взгляды, казалось, будто разговаривала не с человеком, а с роботом, который случайно научился говорить. Но иногда в его голосе или в глазах проскальзывала усталость от того, как сильно он себя контролировал.

– Вопросы есть? – спросил Нолан.

Да, у меня имелся ровно один вопрос:

«Какого чёрта из всех домов, клиентов в огромной Москве я оказалась именно здесь?»

Но, разумеется, спросила другое:

– На этой неделе кто-то ещё будет постоянно находиться в доме? Медперсонал, физиотерапевт, представители коман-

ды?

– Нет. Только по графику визитов.

– Хорошо.

В принципе, всё шло неплохо, и можно было заканчивать. Никаких провалов и увольняться я не планировала. Закрыла блокнот и потянулась за сумкой. Но тут рукав немного задрался, открывая свежую рану. Я уловила, как взгляд Нолана задержался на ней. Внутри всё мгновенно сжалось. Сразу убрала ладонь, перехватила ремень сумки другой рукой.

– Что-то ещё? – спокойно поинтересовалась я.

В глазах Нолана промелькнул интерес.

– Нет, – ответил он. – На сегодня всё.

Никакого вопроса или замечания, ни вежливого «*вы поранились?*».

– Тогда до завтра, – кивнула я.

– До завтра.

Выйдя из кухни, я покинула дом, стараясь идти неторопливо. Только за закрытой дверью смогла наконец-то глубоко вдохнуть. Солнце резануло по глазам. Воздух снаружи показался живее, чем внутри. Открыла машину, бросила сумку на соседнее сиденье и села за руль.

– Отлично, – процедила я, разглядывая дрожащие пальцы.

– Просто отлично.

Из всех вариантов судьба свела меня с человеком, что публично презирал всё, что мне дорого. И, как назло, Нолан оказался не самодовольным придурком из телевизора, кото-

рого легко ненавидеть, а человеком куда опаснее – внимательным.

Я посмотрела на дом через лобовое стекло. Похоже, работу пока не потеряла, но теперь поняла, что это место будет постоянной проверкой моих сил. И любая моя ошибка, даже самая мелкая, не останется незамеченной Ноланом Буше.

Повернула ключ в зажигании, но тронуться не успела – в кармане кофты завибрировал телефон. На экране высветилось: Марина.

– Да, красотка, – ответила я, включив громкую связь.

– Ты живая? – выпалила подруга. – Или тебя съели на собеседовании?

Вчера после беседы с ассистентом я поделилась с ней и Севой, что устраиваюсь на новую работу.

– Почти, но я отбилась, – ответила я.

– Значит, слушай. Сегодня вечером народ собирается отметить открытие мотосезона. Погода наконец нормальная, более-менее тёплая. Все будут на точке в центре.

Я выпрямилась за рулём.

– Я приеду.

– Вот и отлично. Часам к девяти подтягивайся.

– Договорились.

Я сбросила вызов и поймала своё отражение в зеркале заднего вида. Настроение значительно улучшилось. Я выехала со двора, направляясь в сторону больницы.

Мама сидела на кровати, опершись на подушки. Бледная, с тёмными синяками под глазами. Она подняла голову и улыбнулась, но сразу надрывно и сухо закашляла.

Я метнулась к ней.

– Эй, эй, спокойно.

– Ничего, – отмахнулась она, отдышавшись. – Просто лёгкие решили напомнить, что они у меня есть.

Я присела на стул рядом.

– Ты сегодня совсем бледная.

– Я здесь как королева в изгнании. Кормят плохо, спать мешают, покоя не дают.

Я фыркнула и взяла её за руку, чувствуя холодные пальцы.

– То есть стабильно.

– Именно. Как у тебя дела? Как в ресторане?

Я немного замялась, решив не говорить ей о смене работы в ресторане на дом Нолана.

– Немного увеличились смены, но в целом без изменений.

Мама склонила голову.

– Ника, ты себя совсем не бережёшь.

– Я уже привыкла, – отмахнулась, надеясь перевести тему.

– Вечером встречаемся с друзьями, вот там и развеюсь.

Мама снова кашлянула, приложив ладонь к груди. Я подождала, пока приступ пройдёт, и налила ей воды из стакана. Она сделала глоток и посмотрела на меня подозрительно.

– С какими именно друзьями? – уточнила она.

– Мам...

– Ника...

Я вздохнула и улыбнулась.

– Просто погуляем по центру.

– На мотоциклах? – прищурилась она.

Я развела руками.

– Почему ты сразу думаешь самое худшее? Мы просто увидимся. Никто не собирается устраивать гонки.

– Обещай. – Она ткнула в меня пальцем.

– Обещаю. Без гонок.

Мама немного расслабилась и кивнула, явно не поверив до конца.

Я просидела в палате с ней почти до самого вечера. Обсудили больничные сплетни и ресторанные новости. После я засобиралась в гараж, и поцеловав её в щёку, вышла из больницы.

Стоя на ступенях, я взглянула на небо. Ни единой тучи, дороги окончательно подсохли после недавнего дождя. Воздух стоял сухой, и в нём витало обещание свободных проспектов, от чего внутри поднялось предвкушение.

Добравшись до гаража, я вышла из машины и открыла роллетные ворота. Внутри находился только мой мотоцикл. Сменила джинсы на защитные брюки, свитшот на водолазку, поверх надела чёрную кожаную куртку, застегнула молнию и затянула ремни на байкерских сапогах. Подошла к маленькому зеркалу и взглянула на себя.

– Сегодня кататься будет не Ведьма, – улыбнулась сама себе, – а просто Ника.

Я выкатила R1 и, закрыв ворота, перекинула ногу через седло. Завела двигатель и надела шлем. Выехала из гаражного кооператива, направляясь на точку сбора.

Центр Москвы всегда выглядел ярким, красивым и шумным, особенно по вечерам. Возле кафе находилась плотная толпа: байкеры, спортсмены и смех. Доносились песни уличных музыкантов, по тротуарам прогуливались туристы, вокруг звучала русская речь, смешанная с иностранной.

Я припарковалась возле байка Севы и, сняв шлем, разглядела Марину. Она сидела за уличным столиком, в светлой расстёгнутой куртке, не скрывая округлившийся живот. Светлые волосы собраны в низкий хвост, несколько прядей выбились, а голубые глаза блестели в свете витрин.

Когда-то Марина гоняла так, что даже Севу обошла на одной из ночных трасс. После этого он ходил три дня оскорблённый, потом нашёл её и потребовал реванш. Затем случались просто заезды по городу вдвоём, и вскоре они начали встречаться, после быстро поженились.

Подруга заметила меня и расплылась в улыбке.

– Ну наконец-то!

– Как ты? – Я обняла её осторожно.

– Тяжёлая, голодная и красивая.

Я хмыкнула и оглядела Марину.

– Не тошнит?

– Уже меньше.

– Спина?

– Ноет.

– Спишь?

– Ника, я беременна, а не умираю, – рассмеялась Марина.

– Всё нормально.

К нам подошёл Сева с пакетом из кафе и двумя большими стаканами.

– Как предвидел, что ты вот-вот подкатишь, – он обратился ко мне. – Взял вам бургеры и газировку.

Он вручил Марине пакет с таким видом, будто выдавал государственную награду, а мне протянул стаканчики. Я устроилась рядом с подругой. Вокруг гудели моторы, пара ребят курили в стороне, сидя на спорткарах, мимо проходили люди, снимали их на телефоны.

Марина откусила кусок бургера и невольно повернула голову на звук ревущего двигателя. По проспекту быстро прокатил ярко-красный мотоцикл, и я заметила, как её взгляд изменился, став внимательнее.

– Скучаешь? – спросила я.

Она робко усмехнулась, не отрывая глаз от дороги.

– Немного, но это пройдёт.

– Нет, не пройдёт, – вмешался Сева. – Просто пока откладывается.

Марина пихнула его локтем в бок.

– Не подслушивай.

– Я твой муж. Это буквально моя работа.

Рядом засуетились парни. Застёгивали шлемы, усаживались на байки.

– Решили прокатиться по кольцу, – пояснил Сева. – Дальше в сторону набережной. Ника, ты с нами?

Я посмотрела на Марину. Оставлять подругу одной не хотелось.

– Подожду вас здесь, – отмахнулась она, будто прочитав мои мысли. – У меня есть еда, газировка и армия знакомых. Ник, поезжай.

Я кивнула и, выйдя из-за столика, подошла к своему мотоциклу. Надела шлем и устроилась в седле.

Через несколько минут колонна ожила. Низкие, блестящие и громкие спорткары выворачивали с парковки один за другим. Мы выехали на широкий проспект, и Москва открылась впереди длинной светящейся лентой.

Ночной воздух бил в шлем, город отражался в визоре огнями. Один из парней впереди поднял байк на заднее колесо, сорвав одобрителный рев у остальных. Машины вокруг расступались, сигналили, снимали нас на мобильные через открытые окна.

Я держала свою полосу ровно, не лезла в кашу перестроений, наслаждаясь дорогой. Мотор отзывался без задержки, байк послушно держался. Сева катился позади меня.

Внезапно тёмный внедорожник начал смещаться в мою сторону, без поворотника, и поняла, что водитель меня не

видит.

— Твою ж... — выругалась я, моментально уводя мотоцикл правее.

Фары автомобиля оказались слишком близко, но неожиданно между нами влетел Сева. Вскинул руку и злобно жестикнул водителю. Тот мигом выровнял машину на соседнюю полосу.

Я посмотрела на Севу и коротко кивнула. Он ответил тем же и показал на дорогу. Мы снова набрали ход. Москва неслась мимо огнями витрин, подсвеченными фасадами. Потом заехали в туннель. Звук двигателей ударил в бетонные стены, став глубоким и плотным.

Я не сдержалась, душа просила скорости, и прибавила газу. R1 послушно рванула, мотор запел выше, ровнее. Поймала нужный момент, подтянула руль и подняла байк на заднее колесо. Мир вытянулся в одну яркую линию. Затем мягко опустила переднее колесо и полетела дальше.

Сегодня мне нужно было именно это: свобода от мыслей о завтрашнем дне. Сейчас впереди маячила только дорога, а не дом Нолана Буше. Можно не оглядываться и не беспокоиться, что он может узнать о том, что я с мотоциклом давно на «ты».

Глава 8

Нолан

В ангаре «МотоЭра» стоял привычный запах горячего металла, масла и резины. Я остановился перед мотоциклом, закреплённым на подкатах. Чёрный и низкий, как хищник. На обтекателях – ни пылинки, ни царапины, только глянцевый блеск и серебряный логотип компании.

– Ну? – Раздался за спиной голос Марека. – Что скажешь?

Я не обернулся. Медленно обошёл байк кругом, скользя взглядом по каждой детали: по передней вилке и тормозным суппортам, по швам на сликах и по чистой цепи.

– Скажу, что их инженеры любят производить впечатление, – ответил ему.

Марек усмехнулся. Он, как всегда, выглядел деловито, будто приехал не в технический ангар, а на встречу с инвесторами.

– Не «их», Нолан. А почти «наши».

Я присел у переднего колеса и провёл пальцами по карбоновому крылу. С виду невесомый, но на ощупь жёсткий и прочный. За сборкой мотоцикла всегда скрывались деньги, часы расчётов, чужие нервы. А если что-то пойдёт не так – мои кости.

– Ты смотришь на него так, будто хочешь либо поцело-

вать, либо придушить, – отметил Марек.

– Я ещё не решил.

Он хмыкнул.

Поднявшись, я перекинул ногу через седло, чтобы проверить посадку. Руль оказался чуть уже, а бак – плотнее под коленями. Подножки посажены выше, настроенные под позднее торможение и резкий выход из поворота. Я немного качнул мотоцикл под собой, прислушиваясь к раме.

– Хочешь честно? – спросил я.

Марек скрестил руки на груди.

Я наклонился вперёд, положив ладони на грипсы.

– Он нервный.

– Ты даже двигатель не запустил, – возразил Марек.

– Мне и не нужно. Это чувствуется.

Он несколько секунд смотрел на меня, потом кивнул.

– Инженеры говорили, что шасси получилось острее, чем в прошлой версии.

– «Острее» – красивое слово, когда не ты на нёмходишь в быстрый правый поворот на сто восемьдесят.

– Ты же любишь подобные вещи.

Я взглянул на него.

– Предпочитаю прогнозируемые вещи. Остальное любят журналисты.

Марек приподнял уголки губ.

– Именно поэтому ты и нужен Владу, – сказал он. – У

остальных хватает смелости разогнаться. У тебя хватает ума понять, что именно разгоняется под тобой.

Я промолчал и перевёл взгляд на приборную панель.

– Сколько они сняли по весу?

– Почти четыре килограмма по сравнению с прошлогодней моделью.

– А по надёжности?

– Вот это и предстоит узнать.

Я скривился и слез с мотоцикла. Наклонился к правому боку, рассматривая двигатель сквозь прорези обтекателя. В глубине серебрились крепления, шли кабели, трубки, датчики – всё выглядело так, будто внутри не мотор, а хирургический инструмент. Выпрямившись, вытер руки о брюки, хотя они и так выглядели чистыми.

– Если задняя часть начнёт гулять на выходе, – отчеканил я, – то не стану «адаптироваться». Верну его в бокс, и пусть инженеры переделывают геометрию.

Марек вздохнул.

– Иногда мне кажется, что ты считаешь себя не гонщиком, а соавтором мотоцикла.

– Если я на нём рискую шеей, имею право на соавторство.

– Нолан, послушай меня внимательно, – начал Марек. – Компания «МотоЭра» может предоставить тебе быстрый мотоцикл. Инженеры могут дать цифры. Механики – идеальную сборку. Я могу выбить условия, прессу, бонусы, календарь. Но когда опускается визор, никто из нас не едет вместо

тебя. И знаешь что? Именно поэтому ты здесь.

Я поднял на него взгляд.

– Это должна была быть мотивационная речь?

– Да.

– Слабовато.

– Я менеджер, а не священник.

В этот момент подошёл техник Илья в тёмно-синем рабочем комбинезоне, подключил стартер и нажал кнопку. Мотоцикл ожил с резким, густым рыком, словно пробудившийся зверь. Звук был живым, обещающим мощь.

Я улыбнулся.

– Вот, – отметил Марек. – Теперь ты на него смотришь правильно.

– Нет. Теперь я его слушаю, и похоже, у нас появился шанс понять друг друга.

Марек склонил голову.

– Это можно считать одобрением?

Я перевёл взгляд на него.

– Это можно считать началом переговоров.

Марек рассмеялся, а я снова посмотрел на мотоцикл. Чёрный, блестящий в свете ламп, он казался напряжённым, готовым к старту. И тут я понял: пока он чужой. После первой гонки мы подружimsя. После первого риска он станет частью меня. А если всё пойдёт как надо, однажды мы станем одним целым.

Я вернулся после работы позже, чем планировал. Тренировка затянулась, потом пришлось беседовать с инженером по настройкам, следом позвонила Эллина, решившая, что именно сегодня нужно обсудить медийный блок на следующую неделю.

Я вошёл в дом совершенно вымотанный. Голова пустая от усталости, а тело кричало о еде и тишине. Бросил сумку у двери, пересёк гостиную, на ходу расстёгивая куртку. Не глядя, отшвырнул её назад и уже почти зашёл в столовую, как вдруг позади раздался глухой стук. Я даже не успел обернуться, а Ника уже отреагировала. Она резко повернулась всем телом, мгновенно перенеся вес. Не просто реакция на звук, а инстинкт на опасность. Через секунду она уже стояла как ни в чём не бывало, держа вазу в руке.

Если бы я не пялился на неё, то можно подумать, что мне показалось. Но нет, я не ошибся. Затем она посмотрела на меня и кивнула, будто ничего особенного не произошло.

Мои глаза бегали между ней и комодом, куда приземлилась куртка. Должно быть вазу туда поставила Ника.

– Ужин через пять минут, – невозмутимо сообщила она и прошла мимо меня на кухню.

– Хорошо, – ответил я и двинулся следом, стараясь не подавать виду. Не потому, что мне стало неинтересно, наоборот, интерес только что появился, а я не любил его демонстрировать.

Ника Ведьмова ворвалась в мою жизнь и раздражающе

выделилась. В первую очередь, её поведение в то утро, неординарный цвет волос – фиалковый, что необычно гармонировал с зелёными глазами. Большинство новичков в первый день либо суетились, либо притворялись очень вежливыми. Она же вела себя иначе: отвечала по делу, внимательно слушала, не путалась в словах и не пыталась скрыть своё возмущение.

Потом я обратил внимание на её руки. Не только на ссадину, но и на ладони в целом. Необычные мозоли. Не такие, как у тех, кто работал на кухне, убирал или паковал товары. Не грубые, но они говорили о том, что Ника привыкла поднимать тяжести, крепко держаться, ловить и быстро перехватывать.

Войдя на кухню, отметил идеальный порядок: ничего лишнего на столешницах, все контейнеры подписаны, расписание еды висело на видном месте. Ника успела разобрать сегодняшние поставки, договориться о замене недостающих продуктов.

Внезапно я обнаружил, что одно из блюд на столе не соответствовало меню от диетолога. Я сел, подтянул к себе планшет с открытым планом и ещё раз посмотрел в список: постное мясо, сложные углеводы, овощи.

– Здесь другая граммовка, – заявил я.

Ника, расставляя приборы, даже бровью не повела.

– Да.

Я поднял на неё взгляд.

– Это не тот рацион, который был согласован.

– Это скорректированный рацион.

Невозмутимо произнесла она, точно говорила о пустяке.

– Кем? – уточнил я.

– Мной.

За короткую паузу моего молчания, внутреннее негодование, которое и так уже бурлило после тяжёлого дня, усилилось.

– На каком основании?

– На основании того, что схема, которую вам прислали, слишком сухая для второй интенсивной тренировки в один день.

Ника говорила уверенно, без извинений и оправданий, и это уже был перебор.

– Диетолог работает с моей программой не первый сезон, – выпалил я.

– Я не говорю, что программа плохая.

– Тогда что именно вы говорите?

Ника закончила расставлять приборы, выпрямилась и, наконец посмотрела мне прямо в глаза. Спокойным и даже холодным взглядом. Это выглядело хуже обычной дерзости, потому что в нём отсутствовало желание произвести впечатление, только полная уверенность в своей правоте.

– Если съесть это так, после нагрузки, к ночи у вас не останется сил, а утром будете чувствовать себя разбитым.

Я всегда сдержанно относился к разногласиям, особенно

в спорте, где это обычное дело: инженеры, тренеры, врачи спорили по своим вопросам, опираясь на факты. Но когда невысокая, стройная девушка, появившаяся лишь вчера, заявила, что мой специалист составил рацион хуже, чем она, это было неожиданно.

– Довольно смелое заявление, – произнёс я.

– Нет, практичное.

Вот теперь в её голосе прозвучал явный вызов, едва уловимый, но я его расслышал.

– Давно вы работаете со спортивным питанием? – поинтересовался я.

– Достаточно, чтобы понять, когда схема написана безупречно, но она не подходит для реальной жизни.

– Конкретнее, – запросил я.

Ника подошла к столу и показала на планшете, что поменяла. Немного подкорректировала соотношение белков и углеводов, увеличила жиры, убрала часть овощей, которые выглядели полезно, но давали только объём, и добавила поздний перекус. Я старался сосредоточиться, но внезапно в нос ворвался свежий, цитрусовый аромат её духов, полностью завладевший моим вниманием. На мгновение я забылся, где нахожусь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.